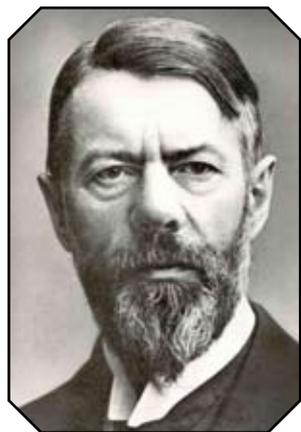

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

М. Вебер

Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Общности¹

ВЕБЕР Макс (Weber, Max) (1864–1920) — немецкий социолог, философ, историк, экономист.

Перевод с нем.
Л. Г. Ионина

Публикуется
с разрешения
Издательского дома
ВШЭ.

Представляемая книга является вторым томом классического труда Макса Вебера «Хозяйство и общество», который впервые переведён на русский язык в полном объёме. В томе II раскрывается становление структур рациональности, регулирующих функционирование общностей на разных этапах их исторического существования. Здесь даны определения таким концептам, как домашняя общность, ойкос, этнические и политические образования, в частности партии и государства.

Журнал «Экономическая социология» публикует одну из глав тома II «Общности» — «Хозяйственные отношения общностей (хозяйство и общество) в основных чертах». Глава вводит в проблематику общностей; в ней выделяются разные типы общностей на основе зависимости их структуры и экономической функции. Также объясняется идея закрытия и открытия общностей. В заключении предлагается анализ типов удовлетворения финансовых потребностей общностного действия, в результате чего поднимается вопрос о том, какие из этих типов в большей степени соответствуют рациональному капиталистическому хозяйству.

Ключевые слова: социология; Макс Вебер; хозяйство; хозяйственные отношения; общность; экономические интересы; формы хозяйства.

Глава 1

Хозяйственные отношения общностей (хозяйство и общество) в основных чертах

§ 1. Сущность хозяйства. Хозяйственная, хозяйствующая и регулирующая хозяйство общности

Подавляющее большинство общностей каким-либо образом связано хозяйством. Под хозяйством не следует понимать, как в неспециализированном языке, любое целерационально организованное действие. Так, молитва о духовном благе, в иной религии носящая целесообразный характер, для нас не является актом хозяйствования. Не является таковым и всякое действие или всякое дело, следующее идее бережливости. Держаться при постро-

¹ *Источник:* Вебер М. 2016. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. (сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина). Том 2. *Общности*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. Перевод изд.: Weber M. (1972) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. 5. revidierte Aufl. Besorgt von Johannes Winckelmann. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck).

нии понятий принципа интеллектуальной экономии, конечно, не значит хозяйствовать. Художник, исходящий из экономии эстетических средств, тоже не хозяйствует, ибо в результате получается крайне неэкономный с точки зрения рентабельности продукт долгой работы по переделке и упрощению. Следование универсальной максиме оптимальности, то есть достижения наибольшего результата при наименьших затратах, также само по себе ещё не хозяйствование, а целерационально ориентированная техника². О хозяйстве можно говорить только в случае, если какой-то потребности (или набору потребностей) соответствует недостаточный, с точки зрения действующего индивида, набор средств и возможных операций по её удовлетворению, и эта ситуация становится причиной особенного ориентированного на неё поведения. Главное, что такая недостаточность осознаётся субъективно и на неё ориентируется действие. Всю дальнейшую казуистику и терминологию мы опускаем.

Хозяйствовать можно в двух разных смыслах. Прежде всего, для удовлетворения имеющейся собственной потребности. Это может быть потребность в любом мыслимом благе, от пищи до религиозного просветления, если её удовлетворению должны служить средства или возможные действия, которых на данный момент для достижения этой цели недостаточно. Вообще, когда речь идёт о хозяйстве, думают обычно о повседневных, так называемых материальных, потребностях. Молитвы и богослужения на самом деле могут быть такими же объектами хозяйства, как и хлеб насущный, если необходимые для их осуществления лица и их действия в дефиците, и получить их можно только за вознаграждение (как и хлеб). Высоко ценимые как предметы искусства рисунки бушменов не являются хозяйственными объектами и, вообще, продуктом труда в экономическом смысле. Но продукты художественного творчества, которые ценятся обычно гораздо ниже, становятся предметами экономического действия при возникновении специфической хозяйственной ситуации — их нехватки в отношении к потребности. Кроме хозяйствования для покрытия собственной потребности есть хозяйствование ради дохода, представляющее собой использование специфической экономической ситуации, состоящей в недостатке желаемых благ, для получения прибыли от распоряжения этими благами.

Социальное действие может по-разному соотноситься с хозяйством³.

Рационально организуемое действие по своему субъективно подразумеваемому участниками смыслу может быть нацелено на чисто хозяйственный результат — удовлетворение потребности или получение дохода. Тогда оно ложится в основание хозяйственной общности. Также оно может использовать хозяйствование как средство для достижения других результатов, на которые, собственно, нацелено. Тогда это хозяйствующая общность. Или же хозяйственные и нехозяйственные цели в действии связаны друг с другом. Или, наконец, ситуация не соответствует ни одному из этих случаев. Границу между двумя первыми категориями нельзя назвать чёткой. Строго говоря, первое относится только к тем общностям, которые хотят извлечь выгоду из специфической экономической ситуации, то есть хозяйственным общностям, ориентированным на получение дохода. Ибо общности, ориентированные на удовлетворение потребностей, прибегают к хозяйствованию ровно в той мере, в какой оно неизбежно при имеющемся соотношении потребностей и имеющихся для их удовлетворения благ. С этой точки зрения хозяйства семьи, благотворительного фонда, военного комиссариата, коллектива, собравшегося для расчистки леса под пашню или для совместной охоты, все похожи друг на друга. Конечно, кажется,

² Техника, технология (*нем.* Technik) — совокупность средств действия в противоположность смыслу действия или его цели; рациональная техника — это применение средств, осознанно и планомерно следующее из опыта и размышления, а при высшей степени рациональности — из научного мышления. О понятии «техника» см. т. 1, гл. 2, § 1, п. 5.

³ Можно согласиться с автором примечаний в американском издании книги Вебера, предположившим, что отмеченная фраза не принадлежит Веберу, а представляет собой позднейшую вставку (см.: [Weber 1978: 354]). Далее в настоящей главе термин «социальное действие» (*soziales Handeln*) не употребляется, Вебер использует термин «действие общности» или «общностное действие» (*Gemeinschaftshandeln*). Подробнее эти терминологические тонкости разбираются во вступительной статье к русскому изданию (см.: [Вебер 2016: 26]).

что различие существует и определяется тем, возникло ли действие общности в силу обстоятельств, с которыми пришлось столкнуться при удовлетворении потребностей (расчистка леса под пашню), или же изначально преследовалась другая цель (подготовка солдат к службе), а необходимость хозяйствовать возникла из недостатка средств для её достижения. На самом деле это очень неопределённое различие, чётко провести его можно, лишь убрав из рассуждения экономическую ситуацию, то есть исходя из предпосылки неограниченности ресурсов, и тогда уже смотреть, останется или не останется действие тем же самым.

Даже в действии общности, которая не является ни хозяйственной, ни хозяйствующей, само его возникновение, существование и тип структуры могут частично определяться хозяйственными причинами, вытекающими из экономической ситуации, то есть быть экономически детерминированными. В свою очередь, оно само может стать фактором, определяющим характер и тип развития хозяйствования, то есть быть экономически релевантным. Обычно и то и другое случается вместе. Отнюдь не редкость действие, которое не представляет ни хозяйственную, ни хозяйствующую общности. Оно легко конституируется в любой совместной прогулке. Также часто встречаются экономически нерелевантные общности. Среди экономически релевантных общностей особую группу образуют те, что, не будучи хозяйственными (их органы не руководят хозяйством непосредственно или путём предписаний, приказов и запретов), регулируют посредством своих порядков экономическое поведение участников: это регулирующие хозяйство общности, и к ним относятся все виды политических, многие из религиозных и огромное количество других общностей, в том числе и специально организованные для целей экономического регулирования (рыболовецкие или марковые товарищества). Общности совсем никоим образом экономически не детерминированные, как уже говорилось, встречаются редко. Но вот степень детерминированности бывает разной; прежде всего отсутствует — вопреки так называемому материалистическому пониманию истории — однозначная детерминация действия общности экономическим фактором. Явления, которые с точки зрения хозяйства тождественны, на самом деле с социологической точки зрения часто связаны со структурными различиями разнообразных общностей, в том числе хозяйственных или хозяйствующих, которые включают их или сосуществуют с ними. Идея о наличии функциональной взаимосвязи между хозяйством и социальными образованиями также есть предрассудок, который невозможно исторически обосновать (если, конечно, под этой идеей понимать однозначную взаимную обусловленность), поскольку структурные формы действия общности развиваются, как мы ещё не раз увидим, по собственным законам да и помимо этого в каждом конкретном случае определяются наряду с хозяйственными и многими другими причинами, придающими им особый облик. Тем не менее в одном важном пункте хозяйство обычно оказывает важное, можно сказать, решающее причинное воздействие на структуру почти всех — во всяком случае, всех культурно значимых — общностей и, в свою очередь, испытывает влияние структуры действия общности, в которой существует. О том, когда и как это происходит, трудно сказать что-либо существенное в общих словах. Но можно тем не менее высказать некоторые общие соображения о степени избирательного сродства конкретных структурных форм действия общности и конкретных форм хозяйства, то есть о том, поощряют они или, наоборот, исключают либо тормозят друг друга и в какой степени они соответствуют (адекватны) или, наоборот, не соответствуют (неадекватны) друг другу. Такие отношения нам придётся не раз обсуждать впоследствии. И наконец, можно выдвинуть хотя бы несколько общих положений о том, как экономические интересы порождают определённого рода действие общности.

§ 2. Открытые и закрытые хозяйственные отношения

Один из важных экономических факторов, воздействующих на жизнь любой общности, — конкуренция за экономические возможности, а именно за должностные позиции, клиентуру, рентный или трудовой доход и т. п. С ростом числа конкурентов по отношению к возможностям дохода растёт и заинтересованность участников в том, чтобы как-то ограничить конкуренцию. Обычно это происходит

следующим образом: берётся некий внешний признак, характерный для части конкурентов (актуальных или потенциальных), — раса, язык, конфессия, географическое или социальное происхождение, родство, место жительства и т. д., и этот признак используется как основание для исключения тех, кто им обладает, из конкурентной борьбы. Каков этот признак в каждом отдельном случае, совершенно не важно, всегда наготове другие из того же ряда. Возникающее таким образом действие одних участников может породить соответствующее действие других, против которых оно направлено. Теперь совместно действующие индивиды, продолжая конкурировать между собой, объединены по отношению ко всем остальным в общность по интересам, у них естественным образом возникает желание создать на этой основе какое-то обобществление, регулируемое рациональным порядком, а если монополистические интересы продолжают существовать и далее, наступает момент, когда либо они сами, либо другие общности, чьи действия могут повлиять на интересы сторон (например, политическая общность), устанавливают порядок, ограничивающий конкуренцию в пользу монополии, и создают из определённого круга лиц постоянные органы, готовые проводить в жизнь этот порядок, пусть даже принудительно. Тогда общность по интересам становится правовой общностью, а её члены — правовыми товарищами. Этот типичный и повторяющийся процесс, который мы назовём закрытием общности, является источником собственности на землю, а также всяких цеховых и прочих групповых монополий. Когда речь идёт о товариществе, то есть о закрытом ввне монополистическом объединении — будь то объединение по месту проживания, чтобы получить исключительное право ловить рыбу в местных водах, или союз дипломированных инженеров, стремящийся иметь для своих — в отличие от «чужих», недипломированных — формальную или фактическую монополию на занятие определённых мест⁴, или закрытие права пользования лугами, пастбищами, короче, альмендой для чужих в интересах жителей одной деревни, либо объединение «торговых служащих» по национальному признаку⁵, либо местное или в масштабах страны объединение дворян, министералов, выпускников университетов, ремесленников или претендентов на офицерскую должность, — всегда сначала налицо действие общности, потом чаще всего обобществление, и движущей силой всегда оказывается стремление монополизировать определённые (как правило, экономические) возможности. Такое объединение всегда направлено против конкурентов, обладающих общим позитивным или негативным признаком, и цель его — *закрытие* в определённой степени соответствующих социальных или экономических шансов для аутсайдеров. Закрытие, будучи осуществлённым, может иметь разные последствия, прежде всего потому, что предоставление монопольных возможностей *отдельным* участникам бывает по-разному организовано. *Внутри* круга монополистов перспективы бывают полностью открытыми, то есть участники свободно конкурируют между собой, как, например, обладатели профессиональных патентов определённого рода, скажем, дипломированные претенденты на некую должность — за эту должность или ремесленники, имеющие соответствующее свидетельство, — за клиентов или учеников. Или же группа оказывается закрытой и *внутри* себя; эта закрытость может выражаться в форме *ротации*, то есть поочерёдного краткосрочного назначения на доходные должности, либо в предоставлении неких привилегий с возможностью их отзыва, к примеру права распоряжения пахотной землёй в «сильных» земельных общинах типа русского «мира», либо в передаче определённых возможностей в пожизненное распоряжение; последнее, как правило, касается всех пребэнд, должностей, монополий ремесленных союзов, альменды, особенно также первоначального разделения угодий в большинстве общинных деревенских союзов и т. п. *Внутренняя* закрытость, далее, может выражаться в том, что привилегии безвозвратно передаются индивиду и его наследникам, но без права уступки их другим лицам либо с ограничением претендентов

⁴ Вебер имеет в виду реальный «Союз немецких дипломированных инженеров», основанный в июле 1909 г. как сословное представительство инженеров с высшим образованием (окончивших университеты, высшие технические школы), полагавших, что в существовавшем уже долгое время «Объединении немецких инженеров» их интересы не представлены должным образом; см.: [Weber 2001: 83].

⁵ Основанный в 1893 г. «Немецкий союз торговых служащих» уже через два года (в 1895 г.) был переименован в «Немецко-национальный союз торговых служащих»; см.: [Weber 2001: 83].

на уступку кругом общинных товарищей (это $\chi\lambda\acute{\iota}\rho\omicron\varsigma$ ⁶, военные пребенды древности, служебные лены министералов, наследственные должностные и ремесленные монополии). Или, наконец, «закрытым» остаётся только общее количество возможностей, но каждая из них может быть приобретена третьим лицом у их нынешнего владельца без согласия и уведомления остальных наподобие акций на предъявителя. Эти разные формы более или менее выраженного внутреннего закрытия общности можно считать стадиями *апроприации* монополизированных общностью социальных и экономических возможностей. Полное освобождение присвоенных монопольных возможностей с перспективой их обмена также и вовне, то есть превращение их в полностью свободную *собственность*, означает, естественно, подрыв прежнего монопольного сообщества, а апроприированные права распоряжения, как его *caput mortuum*⁷, теперь уже оказываются в руках отдельных индивидов в качестве приобретённых в процессе рыночного оборота прав, поскольку вся без исключения собственность на натуральные блага исторически возникла из постепенной апроприации монополистических товарищеских долей, и объектом её были, в отличие от сегодняшней ситуации, не только конкретные вещные блага, но также экономические и социальные возможности всех мыслимых видов. Само собой разумеется, степень и способ апроприации и лёгкость осуществления этого процесса внутри общности различаются в зависимости от технической природы объектов и возможностей, о которых идёт речь; эти объекты в разной степени удобны для присвоения. Возможность, например, получить с поля путём его обработки продукты, используемые для поддержания жизни или извлечения дохода, связана с видимым и чётко ограниченным вещным объектом, то есть с самим конкретным и неизменным по величине полем, что, например, совсем не так в случае увеличения дохода путём расширения круга клиентов. Тот факт, что объект приносит доход только благодаря мелиорации, то есть в известном смысле сам является продуктом труда того, кто его использует, наоборот, не мотивирует присвоение. То же самое происходит и в случае приобретения клиентуры, пусть в иной форме, но в гораздо большем масштабе. Чисто технически клиентуру нельзя, так сказать, «приписать» себе так же просто, как участок земли. Естественно, и степень присвоения оказывается очень разной. Но важно твёрдо установить, что апроприация, в принципе, всегда представляет собой один и тот же, хотя с разной быстротой и лёгкостью осуществляемый процесс, а именно закрытие монополизированных социальных и экономических возможностей также и внутри самой общности, то есть по отношению к товарищам. В соответствии с этим общности являются в разной степени открытыми или закрытыми как внутри себя, так и по отношению к внешнему миру.

§ 3. Формы общностей и экономические интересы

Рассмотренная выше тенденция монополизации принимает особые формы там, где происходит формирование общностей из людей, отличающихся от других в силу неких особых качеств, *приобретаемых* благодаря воспитанию, обучению или специфике деятельности. Это могут быть люди, имеющие определённый экономический статус, равное или схожее служебное положение, практикующие рыцарский, аскетический или другой особенный стиль жизни либо как-то ещё отличающиеся от других. Действие общности, стремящейся к обобществлению, обычно принимает форму *цеха* или *гильдии*. Ограниченный круг полноправных членов монополизировывает распоряжение соответствующими идеальными, социальными экономическими благами, обязанностями и жизненными позициями как «профессию». Целиком и полностью к исполнению профессии допускаются лишь те, кто (1) прошёл ученичество и получил правильную начальную подготовку, (2) выдержал испытание и доказал свою квалификацию, (3) имел, возможно, другие направления подготовки и располагает другими навыками. Эта процедура в типичной форме воспроизводится в самых разных общностях — от пеналистских⁸ обобществлений

⁶ $\chi\lambda\acute{\iota}\rho\omicron\varsigma$ (*греч.*) — часть, доля, пай, парцелла, наследственная доля в земельной собственности.

⁷ *Caput mortuum* (*лат.*) — «мертвая голова», алхимический термин, обозначающий остаток после алхимических операций, то, что остается, когда из вещества извлечено всё, составляющее его ценность.

⁸ Пенализм (от *лат.* Penna — перо и *нем.* Pennal — пенал, коробка для перьев) — система самоорганизации студенчества в Средние века, похожая на нынешнюю «дедовщину»; «пеналами» звали младших школьников и студентов младших

студенчества до рыцарских объединений, с одной стороны, и ремесленных цехов — с другой, а также в квалификационных требованиях к современным чиновникам и служащим. При этом, конечно, важна перспектива достижения профессионального успеха, в чём идеально и материально заинтересованы все участники, несмотря на сохраняющуюся конкуренцию между ними: для ремесленников важна добрая слава их товаров, для министерялов и рыцарей — признание их усердия господином и собственная военная безопасность, сообщества аскетов озабочены тем, как бы путём неправильных манипуляций не навлечь на себя гнев богов и демонов (например, у некоторых первобытных народов того, кто сфальшивит в ритуальном гимне или танце, убивали во искупление вины перед богами). Но ещё важнее обычно возможность ограничения таким способом числа претендентов на доходы и привилегии, связанные с профессиональной позицией. Ученичество и испытания, как и доказательства мастерства, и всё, что требуется помимо этого (например, щедрое одаривание товарищей), — это часто, скорее, экономические, нежели собственно квалификационные, требования к претендентам.

Монополистические тенденции и связанные с ними экономические соображения сыграли исторически важную роль в *торможении* экспансии общностей. Например, политика аттической демократии в области прав граждан, состоящая во всё большем ограничении круга обладателей гражданских привилегий, стала барьером на пути её политической экспансии. Конstellляция экономических интересов, хотя и иного, но схожего рода, остановила пропаганду квакерства. Изначальное религиозно мотивированное стремление обращать покорённые народы в исламскую веру было ограничено экономическими интересами завоевателей, состоящими в сохранении неисламского, то есть неполноправного населения, на которое возлагались тяготы и повинности по содержанию правоверных, — явление, типичное для многих подобного рода ситуаций.

Не менее типичен другой случай, когда индивиды, которые живут (как в духовном, так и в экономическом смысле) тем, что представляют интересы общности или каким-то иным образом участвуют в её жизни, тем самым пропагандируют и развивают действие общности, на основе чего формируется обобществление, которого иначе могло бы не быть. В идеальном смысле такой интерес мотивируется по-разному. Например, романтики и их последователи в XIX веке пробудили в многочисленных гибнущих языковых общностях «интересных» для них народностей заботу об их, этих народностей, собственном языковом наследии. Немецкие гимназические и университетские профессора занимались мелкими славянскими языковыми общностями, писали о них книги, испытывая возвышенное стремление спасти их от полного исчезновения. Но всё-таки чисто идейная мотивация — не столь мощный рычаг, каким может быть экономическая заинтересованность. Например, группа людей платит или как-то ещё прямо или косвенно вознаграждает усилия человека, который берёт на себя и осуществляет *представительство*, то есть формулирование и пропаганду интересов этой группы, в результате чего возникает обобществление, при любых обстоятельствах оказывающееся надёжной гарантией дальнейшего действия общности. Идёт ли речь, к примеру, о платной пропаганде (замаскированной или открытой) сексуальных⁹ либо других «нематериальных» или же экономических интересов (профсоюзов, союзов работодателей и т. д.), работают ли «докладчики» или митинговые ораторы на почасовой основе либо «секретари» на зарплате и т. п., всегда находятся люди, *профессионально* занимающиеся сохранением имеющихся и привлечением новых членов. Планомерное рациональное предприятие¹⁰

курсов, которые первое время не считались равноправными учениками и студентами, были обязаны прислуживать старшим и терпеть поношение и поругание с их стороны. В немецких университетах в выраженной форме просуществовал до XVIII века.

⁹ Очевидно, Вебер имеет в виду пропаганду интересов женщин в рамках раннего феминизма, в том числе социалистического и марксистского, а также суфражизма.

¹⁰ Предприятие (*нем.* Betrieb) — непрерывное целеориентированное действие, которое может иметь хозяйственную, религиозную или какую-либо иную направленность. Предприятие в сфере хозяйственно ориентированного действия — техническая категория, означающая способ непрерывного соединения определённых трудовых усилий между собой и

приходит на смену прерывисто-иррациональному случайному действию и продолжает функционировать, даже если первоначальный энтузиазм самих инициаторов давно иссяк.

Собственно капиталистические интересы могут продвигаться в пропаганде самых разных действий общности. Например, владельцы больших запасов печатных материалов на фразатуре¹¹ заинтересованы в дальнейшем использовании этого патристического шрифта. Трактирщики, предоставляющие, несмотря на бойкот военных, помещения под собрания социал-демократов, заинтересованы в росте числа членов партии¹². Каждый найдёт множество таких примеров применительно к любого рода действиям общности.

Но во всех случаях экономической заинтересованности (всё равно, идёт ли речь о служащих или о капиталистической верхушке) налицо важная закономерность: интерес к содержанию пропагандируемых идеалов — в чём бы они ни состояли — неизбежно уступает место интересу к поддержанию или пропаганде *общности как таковой*. Отличным примером здесь служит полное исчезновение содержательных идеалов у американских партий. Но ещё лучший пример, конечно, это типичное, происходящее с самых давних пор срачивание капиталистических интересов с экспансионистскими интересами политических общностей. С одной стороны, политические общности имеют возможности мощного влияния на экономическую жизнь, а с другой — они принудительно получают в своё распоряжение гигантские средства, на чём можно прямо или косвенно зарабатывать: прямо — путём оказания вознаграждаемых услуг и предоставления кредитов; косвенно — путём эксплуатации политически оккупированных ими объектов. В Античности и в начале Нового времени центр тяжести капиталистических доходов, извлекаемых из союза с политической властью, находился в империалистической эксплуатации, и сегодня он снова сдвигается в том же направлении. Любое расширение державной власти увеличивает шансы получения прибыли для заинтересованных участников¹³.

Эти экономические интересы, ориентированные на экспансию общности, вступают в конфликт с интересами, которые, следуя в русле уже описанных монополистических тенденций, наоборот, питаются её закрытостью и исключительностью. Ранее мы установили в общих чертах, что почти каждый основанный на добровольном членстве целевой союз стремится, помимо достижения первичного результата, на который ориентировано обобществлённое действие, к установлению между своими членами специфических отношений, способных при определённых обстоятельствах стать основой действия общности, направленного на достижение совершенно иных целей, то есть обобществление постоянно привязывается к более глубокой «охватывающей» общности. Конечно, это справедливо только для части обобществлений, а именно для тех, где действие общности предполагает не только чисто деловой, но и личностный, социальный контакт. Например, человек принимается в акционеры без всякой оглядки на его личностные, человеческие качества и, как правило, независимо от желания и согласия других акционеров, а лишь в силу совершения экономического акта обмена денег на акции. То же относится

с вещественными средствами производства. Его противоположностью является либо (а) непостоянное, либо (б) технически не непрерывное действие. Именно эти «технические» характеристики (целерациональность и непрерывность) объясняют, почему Вебер характеризует как предприятие также многие структуры, никак не связанные с экономикой, в частности, церковь и государство, которое он определяет термином *Anstaltsbetrieb* (букв. учрежденческое предприятие).

¹¹ Фразатура (от *нем.* *Fraktur* — надлом, излом) — разновидность готического письма, возникшая в Германии в XVI веке и широко использовавшаяся вплоть до первой половины XX века. В противоположность антикве — привычному ныне шрифту из более округлых букв с засечками — фразатура считалась выражающей германский дух. Уже в XVIII веке она воспринималась как народное письмо, а антиква — как письмо интеллектуалов.

¹² В Германском рейхе солдатам было запрещено посещать пивные и рестораны, где проводились собрания социал-демократов; этот запрет приняли также многие союзы ветеранов. Хозяева восполняли убытки, предоставляя помещения под собрания Социал-демократической партии Германии (СДПГ).

¹³ Подробнее об этом см. гл. 6, § 4 «Хозяйственные основы «империализма»» настоящего тома.

ко всем обобществлениям, где вступление зависит от выполнения некоего формального условия или процедуры и не сопровождается проверкой личности претендента. Это характерно для некоторых видов чисто хозяйственных общностей, а также для политических объединений и — в общем и целом — становится правилом в случаях, когда цель объединения имеет рациональный, специализированный характер. И всё же среди обобществлений есть много таких, где, с одной стороны, членство предполагает (открыто или по умолчанию) наличие у претендента определённых специфических качеств и, с другой стороны, в связи с этим постоянно возникает та самая глубокая «охватывающая» общность. Особенно это очевидно там, где приём нового коллеги обусловлен проверкой и получением согласия каждого из членов. В таких случаях претендент проверяется не только на предмет соответствия своим предполагаемым функциям и наличия необходимых для объявленных целей союза способностей, но и на предмет того, что он представляет собой как личность. Здесь не место классифицировать обобществления по признаку важности или, наоборот, неважности для них лично ориентированного отбора. Достаточно сказать, что таковой действительно встречается в обобществлениях самого разного рода. Не только религиозная секта, но и товарищеское объединение типа союза однополчан или даже игроков в кегли не примет в свои ряды того, кто не устраивает его членов по своим человеческим качествам. Но если уж такой человек принят, он оказывается легитимирован вовне, то есть по отношению к третьим лицам, гораздо сильнее, чем когда он просто обладает качествами, важными для целей союза. Участие в действии общности в этом случае даёт ему возможность включиться в связи, более глубокие и сильные, чем те, что обещает объявленная цель союза, и использовать эти связи к собственной выгоде. Поэтому часто люди входят в религиозные, студенческие, политические или какие-то ещё союзы, совершенно не интересуясь целями, которые те формально преследуют, а рассчитывая на экономически важные легитимации и отношения, возникающие в силу членства. Если эти мотивы побуждают посторонних присоединяться к общности и способствуют ее расширению, то интересы членов, наоборот, состоят в том, чтобы монополизировать своё преимущество и повысить его экономическую ценность путём сведения к узкому эксклюзивному кругу участников. И чем круг уже и эксклюзивнее, тем выше становится, помимо прямой полезности, и социальный престиж членства.

Наконец, нужно коротко остановиться ещё на одном часто встречающемся проявлении связи хозяйства с действием общности: на обещаниях конкретных экономических выгод в целях сохранения и расширения изначально нехозяйственной общности. Это, естественно, чаще всего происходит там, где несколько однотипных общностей конкурируют в борьбе за новых членов, — например, среди политических партий или религиозных общин. Американские секты конкурируют между собой, организуя культурные и прочие, например спортивные, мероприятия и постоянно снижая цену вступления в новый брак для разведённых супругов (такого рода демпинг с недавних пор стал ограничиваться путём создания настоящих «картелей»). Религиозные и политические партии помимо пикников и других встреч организуют так называемые молодёжные союзы, женские группы и проч., а также активно участвуют в чисто коммунальных и других, по сути, неполитических мероприятиях, что даёт им возможность, конкурируя между собой, оказывать услуги экономического свойства заинтересованным лицам и общинам. Внедрение партийных, религиозных и других групп в коммунальные, товарищеские и другие подобные общности имеет сильную экономическую мотивацию: функционеры получают тёплые местечки и повышают свой престиж, одновременно им удаётся переложить на другие организации собственные аппаратные издержки. Для этого вполне подходят должности в муниципалитетах, товариществах, потребительских обществах, больничных кассах, профсоюзах и т. п., но в ещё большей степени — политические должности и «кормления» либо другие распределяемые политической властью социальные или иные позиции, ценимые как источник обеспечения, в частности университетские профессуры. Парламентская система даёт любой общности, если она достаточно велика, возможность обеспечить таким образом своего вождя и членов. В частности, это относится к политическим партиям, которым такой род обеспечения свойствен по самой их сути. Нам важно специально отметить тот факт, что нехозяйственные общности прибегают и к прямому созданию экономических организаций,

особенно для целей пропаганды, чему служат многие из нынешних милосердных учреждений разных конфессий, в ещё большей степени — христианские, либеральные, социалистические, национальные и прочие профсоюзы и кассы взаимопомощи, дающие возможность поддержки и страхования, в значительной степени также основанные именно для этих целей потребительские союзы и товарищества. В некоторых итальянских товариществах, чтобы получить работу, нужно предъявить справку о «прохождении» исповеди. У поляков в Германии необычайно широко распространились организации по кредитованию, долговым выплатам, устройству польских переселенцев; русские партии всех направлений в революционный период¹⁴ сразу систематически вступили на этот современный путь. Практикуется также создание доходных предприятий, не только финансовых или сервисных — банков, отелей (социалистический *Hôtell-erie du Peuple*¹⁵ в Остенде), — но даже производственных (тоже в Бельгии). Группы, обладающие властью в политических общностях, то есть собственно чиновничество, для сохранения своих властных позиций делают то же самое — от организации «патриотических» объединений, участие в которых оказывается экономически выгодным, до создания бюрократически контролируемых кредитных организаций («Прусская касса»¹⁶). Анализ технических подробностей этих форм пропаганды не входит в нашу задачу.

Мы описали лишь в общих чертах и показали на нескольких особенно типичных примерах способы взаимодействия и противоборства экспансионистских, с одной стороны, и монополистических — с другой, экономических интересов внутри разных сообществ. Глубже входить в детали мы не можем, для этого необходимо специальное исследование всех отдельных видов обобществлений.

§ 4. Типы экономической деятельности хозяйствующих общностей и формы хозяйства

Речь пойдёт о связи действия общности с хозяйством, обусловленной тем, что исключительно большое число общностей являются хозяйствующими. Для того чтобы они могли быть таковыми, обыкновенно требуется определённая степень рационального обобществления. Хотя это и необязательно: его нет в структурах, вырастающих из домашних общностей, которые мы опишем далее¹⁷, но обычно оно имеется.

Действие общности, поднявшейся до уровня рационального обобществления, требует наличия экономических благ и услуг, а следовательно, и некоего формально установленного правила их мобилизации. Эта последняя может осуществляться по схемам, показанным ниже, структурно представляющим собой чистые типы (примеры по возможности мы берём из жизни *политических* сообществ, ибо именно здесь имеются самые развитые системы мобилизации ресурсов).

1) Получение благ и услуг *по типу ойкоса*, то есть чисто общинного и чисто натурального хозяйства с обязательным прямым личным физическим участием всех его членов, регулируемым чёткими правилами, едиными для всех или специфицированными (общая воинская повинность для всех годных к военной службе и особый род хозяйственной службы для ремесленников). Обязательна также сдача материальных благ, необходимых для удовлетворения потребностей (например, к столу князя или для военной администрации), которая происходит в форме фиксированных сборов в натуральном виде. Продукты используются в том же работающем не на рынок общинном хозяйстве, представляющем собой часть действия общности (например, чистое самодостаточное домохозяйство князя или феодала,

¹⁴ 1905–1907 гг. Глава писалась в 1913 г.

¹⁵ «Народный отель» (*франц.*).

¹⁶ «Прусская касса» (*нем.* Preußenkasse) — общепринятое бытовое обозначение основанной в 1895 г. так называемой Прусской центральной товарищеской кассы, выступающей как кредитный институт, обслуживающий мелкие крестьянские и ремесленные хозяйства. Капитал кассы обеспечивался правительством Пруссии.

¹⁷ См. гл. 2, § 1 настоящего тома.

то есть чистый тип ойкаса, или особый, полностью основанный на натуральных услугах и взносах по-рядок военного управления, близкий древнеегипетскому).

2) Путём *сборов* или (рыночно) обложения членов общины обязательными налогами и регулярными или связанными с определёнными событиями платежами в денежной форме по определённым правилам, что даёт возможность получать средства удовлетворения потребностей на рынке, то есть путём покупки вещных орудий производства и найма работников, чиновников и солдат.

Сборы также могут иметь характер контрибуций, когда обложению подлежат все индивиды, даже те, кто не участвует в действии общности, но при этом (а) пользуется на условиях особого возмещения (оплаты в техническом смысле слова) возможностями и преимуществами жизни в общине, в частности услугами созданных ею общественных структур (земельный кадастр или другие учреждения) и хозяйственных благ (например, построенное общиной шоссе), (б) просто физически оказался в сфере фактической власти общности (налогообложение проживающих на определённой территории, таможенные сборы с людей и товаров при пересечении территории).

3) Путём *извлечения дохода*, то есть сбыта на рынке продуктов или услуг собственного производства, которое является составной частью действия общности и доход от которого используется на общественные цели. Это может быть свободное предприятие без формального монопольного статуса (Preußische Seehandlung¹⁸, Grande Chartreuse¹⁹) или монополистическое предприятие, каких множество как в прошлом, так и в настоящем (почта).

Ясно, что эти три в понятийном смысле наиболее чистых типа могут соединяться в любые комбинации. Услуги в натуральной форме могут быть оплачены деньгами, натуральные продукты — обращены в деньги на рынке, материальные продукты доходного производства — обменены на то, что получено путём натурального оброка, или куплены на рынке на средства от налогов и денежных сборов. Составные части отдельных типов могут как угодно комбинироваться, что и происходит на деле.

4) Получение ресурсов путём *меценатства*, то есть чисто добровольных взносов со стороны тех, кто имеет средства и каким-либо образом материально или идейно заинтересован в цели общностного действия, не являясь при этом обязательно членом союза (фонды для религиозных целей как типичная форма удовлетворения потребностей в религиозных и политических группах; поддержка партий крупными спонсорами; сюда же относятся и ордены нищенствующих, и добровольные подношения князьям в прошлом). В таких случаях отсутствуют определённые права и обязанности, как и связь объёма вложений с другими формами участия, меценат может вообще не входить в круг действующих.

5) Путём (позитивно или негативно) *привилегированного обременения*.

а) *Позитивно* привилегированное обременение возникает (не только, но главным образом) в случае предоставления определённой социальной или экономической монополии либо, наоборот, защиты от таковой, когда некоторые привилегированные сословия или монопольные группы частично либо полностью освобождаются от уплаты сборов. Иначе говоря, сборы и услуги востребуются *не* по общему правилу, в соответствии с уровнем дохода и размером состояния или (как минимум, в принципе) с видом имущества и получения дохода, а в связи со специфи-

¹⁸ Preußische Seehandlung (*нем.*) — торговое общество «Прусская морская торговля», организованное Фридрихом II в 1772 г. Не будучи монополией, оно пользовалось весомыми привилегиями государства. В 1904 г. было преобразовано в Прусский государственный банк, который ликвидирован в 1947 г. с упразднением Пруссии как государства.

¹⁹ Grande Chartreuse (*франц.*) — католический монастырь Гранд-Шартрёз во Франции, обитель ордена картезианцев; место создания рецепта и производства известного одноимённого ликёра.

ческими экономическими, политическими либо иными властными позициями и монополиями, которые общность предоставила и гарантировала индивидам или группам (владение поместьем, цеховые и сословные налоговые привилегии или специальные сборы) как коррелят или прямой результат этой самой монополии или апроприации. Такой способ удовлетворения потребностей создаёт или фиксирует монополистическую иерархию внутри общности путём закрытия социальных и экономических возможностей для отдельных слоёв.

В понятийном смысле к этой же форме удовлетворения потребностей надо отнести как важный особый случай весь спектр форм феодального или патримониального покрытия потребностей в политических средствах власти, которые сами связаны с апропрированными властными позициями по отношению к обобществлённому действию (князь как таковой в сословной системе должен покрывать расходы политического действия общности из своего патримониального состояния; феодальные носители политической или патримониальной власти и социальной чести — вассалы, министералы и проч. — покрывают административные и военные расходы из собственных средств и т. п.). Речь идёт в основном о взносах и услугах, предоставляемых *in natura* (сословно-натуральное привилегированное удовлетворение потребностей). Но аналогичные процессы привилегированного удовлетворения потребностей могут иметь место и при капитализме, когда, например, политическая власть гарантирует группе предпринимателей прямо или косвенно монополию в области их деятельности, за что налагает на них контрибуцию единовременно или в форме регулярных отчислений. Эта распространённая в эпоху меркантилизма форма привилегированного обременения ныне вновь играет всё более значимую роль (налог на спиртное в Германии).

b) Негативно привилегированное удовлетворение потребностей имеет литургическую природу. В случае классовой литургии²⁰ обязанность предоставления дорогостоящих услуг определённого характера связывалась с определённым размером чистого, не имеющего монопольных привилегий состояния, будучи возлагаемой, иногда по очереди, на всех обладателей такового (триерархи и хорегии в Афинах, принудительные откупа в эллинистических государствах). В случае сословной литургии учитывается связь облагаемых повинностями лиц с определёнными монопольными сообществами так, что они не могут уклониться от требуемых вложений, не подставляя под удар сообщество (солидарная ответственность). Это принудительные цеха и гильдии в Древнем Египте и поздней Античности; это наследственные обязательства русских крестьян перед отвечающей за уплату налогов сельской общиной; это более или менее сильная привязанность к земле колонов и крестьян всех времён и солидарная ответственность общин за сбор налогов и (иногда) призыв новобранцев; это, наконец, солидарная ответственность римских декурионов за назначенные выплаты.

Названные в п. 5 способы удовлетворения потребностей общности по природе своей ограничены кругом принудительных общностей учрежденческого типа (прежде всего политических).

§ 5. Действия общности по удовлетворению потребностей и распределение бремени. Порядки, регулирующие хозяйство

Способы удовлетворения потребностей, возникающие в результате борьбы интересов, часто имеют важное значение безотносительно к их прямой цели, ибо нередко они порождают регулирующие хозяйство порядки (например, названные в последнем из приведённых выше пунктов) и даже там, где

²⁰ Литургия (от *греч.* Λειτουργία — служение, общее дело) — повинность в пользу государства, то есть общественная обязанность, или повинность, которую граждане или группы граждан исполняют лично либо путём принятия на себя всех связанных с этим затрат.

это прямо не происходит, оказывают глубокое влияние на развитие и ориентацию хозяйства. Так, например, сословно-литургическое удовлетворение потребностей ведёт к закрытию социальных и экономических возможностей, к закреплению сословной структуры и тем самым затрудняет формирование частных капиталов. То же самое происходит и в случаях преобладания общинно, доходно или монополюсориентированных типов удовлетворения потребностей общности. При первых двух из перечисленных в предыдущем параграфе вариантах постоянно налицо тенденция к исключению хозяйства, ориентированного на частный доход, при двух последних — тенденция к сдвигу, иногда — в сторону стимулирования, иногда — в сторону ограничения возможностей частнокапиталистической прибыли. Это зависит от обстоятельств, а также от степени, формы и направленности поощряемого государством монополизма. Нарастающее влияние сословно-литургического (а также и в определённой степени общинно-хозяйственного) удовлетворения потребностей в Римской империи удушило античный капитализм. Современные доходные общинные государственные предприятия отчасти отодвигают, отчасти вытесняют капиталистические; тот факт, что немецкие биржи со времени огосударствления железных дорог не торгуют их акциями, не только важен с точки зрения их собственного положения, но и влияет на способ формирования состояний. Любое поощрение монополий и их стабилизация, связанные с государственными контрибуциями (немецкий налог на спиртоводочные изделия и т. п.), препятствуют экспансии капитализма (пример: возникновение чисто ремесленных винокурен). В Средневековье и в начале Нового времени колониальная и торговая монополии, наоборот, стимулировали прежде всего возникновение капитализма, поскольку в тех условиях только монополизация создавала поле возможностей для ориентированного на прибыль капиталистического предпринимательства. Однако в дальнейшем (уже в Англии XVII века) монополизация работала против интересов рентабельности капитала, ищущего оптимальные возможности вложения, в результате чего столкнулась с агрессивной оппозицией, которая её и погубила. Так что в случае обусловленных налогами монопольных привилегий влияние их на становление капитализма неоднозначно. Зато однозначно идёт на пользу капиталистическому развитию удовлетворение потребностей через обложение налогами и рынок, когда — в крайнем идеальном случае — все потребности, в том числе управленческие, удовлетворяются путём вынесения на свободный рынок, то есть, например, частному предпринимателю передаётся вербовка и обучение армии (кондотьеры в начале Нового времени), а средства обеспечиваются путём сбора налогов в денежной форме. Такая система, безусловно, предполагает полностью развитую денежную экономику и наличие с точки зрения техники управления строго рационального и чётко функционирующего (а это значит, бюрократического) управленческого механизма. Особенно это касается налогообложения движимого имущества, которое везде, и прежде всего при демократии, сталкивается с большими сложностями. На этих сложностях нужно кратко остановиться, ибо в условиях западной цивилизации они в значительной мере обусловили развитие специфически современного капитализма. Любой вид обременения имущества как такового повсюду, даже там, где власть находится в руках неимущих, наталкивается на определённые границы, это связано с тем, что владелец имущества может покинуть общность. Вероятность такого шага определяется, естественно, тем, насколько неизбежна принадлежность индивида именно к данной общности, а также тем, насколько его связь именно с этой общностью диктуется специфическим характером имущества. В принудительных общностях учрежденческого характера, то есть в первую очередь в политических образованиях, все приносящие доход возможности использования имущества особенно сильно связаны с владением землёй и являются специфически неперемещаемыми, в противоположность движимому, то есть состоящему в деньгах или в легко обратимых в деньги вещах и не соотносённому с определённым местоположением имущества. Выход обладателей такого имущества из состава общности и их перемещение за её пределы не только резко увеличивает бремя налогов на остающихся членов, но способен — в общности, основанной на рыночном обмене, особенно на обмене на рынке труда, — так ухудшить шансы получения дохода для неимущих (прежде всего получения работы), что общность, только чтобы избежать таких последствий, может отказаться от обложения владельцев этого имущества в свою пользу и даже сознательно предоставить им привилегии. Произойдёт ли это, зависит от экономической структуры кон-

кретной общности. Для античного демоса, который в значительной мере жил за счёт дани с подданных и при хозяйственном укладе, где рынок труда в современном смысле слова ещё не определял классовое положение масс, названные мотивы и стимулы были гораздо слабее, чем привлекательность прямого взимания налогов с имущества.

В современных условиях чаще всего дело обстоит противоположным образом. Именно общности, где неимущие слои имеют решающий голос, нередко весьма бережно обращаются с имуществом. Коммуны, управляемые социалистическими партиями (например, Катания на о. Сицилия), дают широкие привилегии фабрикам, ибо расширение возможностей трудоустройства, то есть прямое улучшение собственного классового положения, для их сторонников важнее, чем так называемое справедливое распределение и налогообложение имущества. Домовладельцы, хозяева участков под застройку, мелкие торговцы, ремесленники, несмотря на противоречия интересов в каждом отдельном случае, тоже обычно стремятся учитывать прежде всего ближайшие интересы, определяемые классовым положением, поэтому в любого рода общностях *меркантилизм* есть общераспространённое, в отдельных случаях весьма гибкое и предстающее в самых разных формах явление. Точно так же потребность в сохранении налогового потенциала и наличии крупных состояний, способных к предоставлению кредитов, вынуждает к подобному обращению с движимым имуществом и тех, кто заинтересован в могуществе собственной общности как таковой по сравнению с ей подобными. Поэтому движимое имущество, даже если власть в общности находится в руках неимущих, имеет шанс если не получения прямых меркантилистских привилегий, то масштабного освобождения от литургического и налогового бремени там, где существует значительное число конкурирующих между собой общностей, в которых владелец имущества может обосноваться, как, например, в отдельных штатах Северо-Американского союза, где партикуляристская самостоятельность есть главная причина крушения всех серьёзных попыток объединения на основе потребностей капитализма, или — в ограниченном, но тем не менее осязаемом объёме — в коммунах в рамках одной страны, или, наконец, в полностью и совершенно независимых конкурирующих друг с другом политических образованиях.

В целом же, естественно, способ распределения бремени в значительной мере определяется, с одной стороны, расстановкой сил различных групп внутри общности, а с другой — типом экономического порядка. Всякое возрастание или преобладание натурально-хозяйственного удовлетворения потребностей ведёт к литургической системе. Так, египетская литургическая система возникла во времена фараонов, а позднеримское литургическое государство развивалось по египетскому образцу благодаря натурально-хозяйственному характеру завоёванных внутренних областей и относительно убывающему весу и значению капиталистических слоёв, что, в свою очередь, было обусловлено изменением структур господства и управления по мере упразднения налоговых откупов и ограничения ростовщичества. Преобладающее влияние движимого имущества повсеместно ведёт, наоборот, к снятию бремени обеспечения литургических потребностей с его обладателей и к возникновению систем, обеспечивающих необходимые общности услуги и средства за счёт масс. Так, в Риме на место литургической, классифицированной в зависимости от уровня благосостояния и основанной на самовооружении воинской обязанности состоятельных граждан пришли фактическая свобода военной службы для граждан всаднического ценза и находящаяся на государственном обеспечении армия пролетариев, в других местах — наёмная армия, расходы на которую покрывались за счёт массового налогообложения. Вместо привлечения средств для покрытия внеочередных потребностей с помощью налога на имущество или принудительных беспроцентных заимствований, то есть литургического использования возможностей имущих для целей общности, в Средние века повсеместно распространилось покрытие расходов за счёт займов под проценты, залога земли, таможенных и других сборов, то есть получалось так, что срочные хозяйственные потребности общности при посредстве имущих слоёв превращались в источник прибыли или ренты; иногда (как одно время в Генуе) это приобретало характер управления городом и его налоговыми возможностями в интересах кредиторов государства.

И наконец, усиливающийся вместе с ростом политически обусловленной потребности в деньгах поиск капитала со стороны различных сил, конкурирующих за власть и удовлетворяющих свои потребности за счёт денежного хозяйства, привёл в начале Нового времени к примечательному союзу между формирующими государства силами и привлечёнными ими привилегированными капиталистами, что сыграло важнейшую роль при зарождении современного капиталистического развития. Политика той эпохи по праву носит имя меркантилистской. Хотя, как мы видели, меркантилизм в смысле предоставления поддержки и привилегий движимому имуществу существовал везде и всегда, существует и сегодня там, где несколько самостоятельных принудительных образований находятся друг подле друга и конкурируют за счёт налогового потенциала и кредитных возможностей капитала своих сочленов, что присуще как Античности, так и Новому времени. Однако в начале Нового времени этот меркантилизм принял специфический облик и оказал специфическое воздействие, что произошло отчасти в силу особенностей структуры господства конкурирующих политических образований и их хозяйства, на чём мы остановимся позже, а отчасти (и преимущественно) в силу иного характера зарождающегося тогда и понимаемого как современный — по отношению к античному — капитализма, особенно неизвестного в прошлом современного индустриального капитализма, которому любая долговременная привилегия более всего шла на пользу. Во всяком случае, с тех пор конкурентная борьба крупных, приблизительно равных по силе чисто политических образований определяет внешнюю сторону политической власти и является, как известно, одной из важнейших специфических движущих сил капиталистических привилегий, которые возникли именно тогда и в изменённой форме сохраняются по сей день. Ни торговая, ни финансовая политики современных государств, то есть наиболее связанные с центральными интересами современной формы хозяйства направления экономической политики, в их генезисе и протекании не могут быть поняты в отрыве от этой очень своеобразной политической ситуации конкуренции и равновесия в европейской системе государств последних пяти столетий — той ситуации, которую ещё Л. фон Ранке в своей первой работе определил как всемирно-историческую особенность Европы²¹.

Литература

- Вебер М. 2016. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. I. *Социология*. Пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Ranke L. 1824. *Geschichten der romanischen und germanischen Völker. 1494–1514*. 1. Bd., 1. Aufl. Leipzig; Berlin: Dunker & Humblot.
- Weber Max. 1978. *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley; Los Angeles, CA: University of California Press.
- Weber Max. 2001. Max Weber-Gesamtausgabe. Bd. I/22-1: *Wirtschaft und Gesellschaft. Teilband 1: Gemeinschaften*. Tübingen: Mohr Siebeck Verlag.

²¹ Ранке Леопольд (Ranke Leopold von; 1795–1886) — немецкий историк, ведущий представитель историзма и один из основоположников современной исторической науки. Первая крупная работа Ранке, на которую и ссылается Вебер: [Ranke 1824].

NEW TRANSLATIONS

Max Weber

Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Organized Groups

WEBER, Max

(1864–1920) — German sociologist, philosopher, historian, and political economist.

Translated into Russian by L. G. Ionin

Abstract

This book presents the second volume of Max Weber's fundamental work *Economy and Society*, which has been translated into Russian for the first time. The second volume "Organized Groups" uncovers emerging and crystallizing structures of rationality governing how organized groups function during different periods in their history. Concepts such as households, oikos, and ethnic groups and political associations (including parties and state), are defined here.

The Journal of Economic Sociology publishes an excerpt from one of the chapters of the second volume "Organized Groups" — 'Economic Relationships of Organized Groups.' This chapter introduces economic action and economically active groups; it classifies organized groups according to their group structure and economic function. It also explains the concept of closed and open economic relationships. In conclusion, it analyzes five types of want satisfaction by economically active groups, resulting in the question of which of those types most closely corresponds to a rational capitalistic economy.

The translation is edited by Leonid Ionin. The chapter is published with the permission of HSE Publishing House.

Keywords: sociology; Max Weber; economy; society; economic relationships; organized groups; economic interest; want satisfaction; economically active groups.

References

Ranke L. (1824) *Geschichten der romanischen und germanischen Völker. 1494–1514*. 1. Bd., 1. Aufl., Leipzig; Berlin: Dunker & Humblot (in German).

Weber M. (1978) *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*, Berkeley; Los Angeles, CA: University of California Press.

Weber M. (2001) Max Weber-Gesamtausgabe. Bd. I/22-1: Wirtschaft und Gesellschaft. Teilband 1: *Gemeinschaften*, Tübingen: Mohr Siebeck Verlag (in German).

Weber M. (2016) Hozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology]. Vol. 1. *Sociology*. (Russian translation by L. G. Ionin), Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

Citation: Weber M. (2017) Hozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii. Obshchnosti. [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Organized Groups (an excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 18, no 1, pp. 13–27. Available at <https://ecsoc.hse.ru/2017-18-1.html> (in Russian).